

DOI: 10.33184/dokbsu-2020.1.14

Архетипы единства человека и природы как основа для создания позитивных жизненных сценариев (на материале англо- и русскоязычных паремий, связанных с птицами)

Н. А. Курашкина

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: kurashkina76@mail.ru

В статье обосновывается возможность изучения архетипов единства человека и природы в русле современной эколоингвистики, применяющей метод позитивного дискурс-анализа для поиска гармоничных жизненных сценариев, базирующихся на подсознательной основе. Архетипические проявления прослеживаются в паремиях, анализ которых на материале английского и русского языков выявляет в них отражение таких экологических архетипов как архетип дома, архетип принадлежности человека к роду, архетип вселенского закона, архетипы мужественности и женственности.

Ключевые слова: архетип единства человека и природы (экологический архетип), позитивный жизненный сценарий, паремии, архетип принадлежности человека к роду, архетипы мужественности и женственности.

В современной эколоингвистике используется обширное многообразие лингвистических теорий для проведения языкового анализа, ставящего целью определение жизненных сценариев или мифов, которыми живут люди. Полагают, что данные сценарии во многом определяют человеческое поведение и образ мыслей, поэтому становится возможным изменить нежелательные когнитивные модели, создавшиеся и укрепившиеся в той или иной культуре [1]. Языковая система, прежде всего ее семантический ярус, позволяет человеку менять свое отношение к окружающему миру, поскольку, как считает П. Финке, «язык служит не только для репрезентации существующих фактов, но и для выражения желаемых изменений» [2].

Осознание того, что мифы, бытующие в современном обществе, включая мифы о прогрессе, всемогущей науке, коммерческой свободе, жизни как борьбе и антропоцентризме [3], ведут к забвению о существовании не только других животных, но и самой планеты Земля, требует существенного пересмотра сложившихся взглядов. В противном случае все это чревато полным отчуждением от природы и экологическими разрушениями. Именно поэтому в зарубежных эколоингвистических исследованиях все

более востребованным оказывается позитивный дискурс-анализ (*Positive Discourse Analysis*), который представляет собой поиск новых гармоничных жизненных сценариев. Такие сценарии есть не что иное как «тайные резервуары ценностей»: если изменить мифы, которыми живут народы или их отдельные представители, то изменятся и сами народы или индивиды. Следовательно, цель позитивного дискурс-анализа заключается в поиске таких способов использования языковых средств, которые могли бы потенциально мотивировать людей к защите жизнеобеспечивающих систем и созданию более справедливых социальных сообществ [4].

Одна из ключевых тем для позитивного дискурс-анализа связана с дискурсивным созданием мира природы, отличного от доминирующих дискурсов, которые представляют природу механистично, как инертную материю, существующую исключительно для эксплуатации людьми [4]. В этой связи исследователи-эколингвисты предлагают обратить внимание на устную культуру коренных народов мира, которая является мощным источником для моделирования альтернативного миропонимания и, соответственно, позитивных жизненных сценариев. Поскольку жизненные сценарии или мифы, которыми живут люди, базируются на подсознательной основе, их создание невозможно без опоры на архетипы единства человека и природы (экологические архетипы).

Базовые архетипы единства человека и природы выявлены В. В. Флоренской путем реконструкции и семантического анализа посвятительных обрядов, мифологических и фольклорных сюжетов, принадлежащих различным национальным культурам. Автор утверждает, что индивид осмысляет свое место в природе и обществе посредством таких архетипов, как архетип единства и цикличности бытия, архетип Родины, архетип принадлежности человека к роду и архетип вселенского закона. Внутреннее я индивида, согласно В. В. Флоренской, воплощается в гендерных архетипах созидательной женственности и созидательной мужественности [5]. Данные архетипы формировались в результате осознания человеком себя частью природы, а границы между ними отличаются условностью и размытостью [5].

Паремиологический фонд любой культуры способен предоставить для анализа существующий круг метафор, лексических единиц и других языковых характеристик, не говоря уже о экологических архетипах, которые служат подсознательной основой для осмысления и моделирования гармоничных жизненных сценариев. В настоящей работе использованы английские и русские пословицы и поговорки [6–11], связанные с птицами, для выявления реализуемых в них архетипов единства человека и природы.

Согласно мифологической логике, внешний мир строится посредством разнообразных бинарных оппозиций, связанных, в первую очередь, с пространственно-временными координатами. Эти координаты имеют выход на более общее противопоставление са-

кральный – профанный. Структура космоса воплощается мировым деревом, которое маркирует сакральный центр мира и отделяет мир космический, «свой», от мира хаотического, «чужого» [12]. Птица в космологической модели занимает место на вершине мирового древа. Соединяя сакральный и профанный миры и одновременно исполняя роль курьера между миром живых и мертвых, птица является гонцом из вечности и вестником будущего. См., например, вестничество, связанное с полетом: рус. *Журавль летает высоко, да видит далеко, Сорока нам на хвосте весть принесла*; вестничество, связанное с голосовым поведением: рус. *Старый ворон даром не каркает, Кукушка кукует, горе вецует*, англ. *A little bird told /whispered to me*; вестничество, связанное с появлением птицы в определенное время года: англ. *One crow does not make a winter, One swallow does not make a summer* (лат. основа: *Una hirundo non facit ver*).

Верхний и нижний миры, посредниками между которыми суждено быть птицам, соединены между собой мировым деревом или же мировым яйцом. По всей вероятности, почитание яйца и устоявшийся миф о нем как основе творения мира восходит к представлениям древних охотников, видевших луну, солнце и небо в виде яиц, снесенных гигантской птицей [13]. Так, например, по описаниям Геродота, это могла быть птица Феникс, а, согласно египетскому мифу, это Великий Гоготун (прообраз гуся), из яйца которого рождается солнечный бог [14]. Таким образом, в космогонических мифах большинства народов яйцо являет собой зародыш вселенной, символизируя пространственно-ограниченный мир.

Будучи символом творения, яйцо тесно связано с идеей продолжения жизни, возрождения всего сущего, включая людей, что сохранялось в весенних обрядах крашения яиц и игр с ними у славян и иранцев. Так выражалось участие людей в возрождении солнца [15]. Позднее христианство поддерживает и закрепляет идею воскресения в образе пасхального яйца, что и наблюдается в соответствующих пословицах и поговорках. См., например, рус. *Дорого яичко ко Христову дню / к Великодню*, англ. *I'll warrant you for an egg at Easter*. В целом яйцо как символ непрерывности цикла «жизнь-смерть-рождение» и плодородия репрезентирует в паремиях архетип *вселенского закона*, который тесным образом связан с архетипом *единства и цикличности бытия*, например, рус. *От курицы яйцо, а от яйца курица* (лат. основа: *Ovum sine ave et avis sine ovo gigni non potest*).

Являясь ориентирами в мифологическом пространстве бытия, птицы, также как и их паремиологические образы, вовлекаются в оппозицию «свой – чужой». На основе данной оппозиции в исследуемых паремиях находит свою реализацию архетип *дом*, очерчивая, как правило, ограниченную территорию обитания: *жилище* в виде *гнезда*. Гнездо – это «свое», т.е. гармонически организованное пространство: рус. *Всякая птичка свое гнездо бережет, Никакая сорока в свое гнездо не гадит, Глупа та птица, которой гнездо свое не мило, Каждая курица свой насест хвалит, Всяк кулик на своем*

болоте велик, англ. *Every bird thinks his own nest best, It is an ill bird that fouls its own nest, A little bird wants but a little nest.*

Отсутствие дома обрекает на скитание в мире «чужих», что в русских паремиях закреплено за образом кукушки: *О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет, За то кукушка без гнезда, что в Благовещенье его завилла, Кукушка кукует, по бездомью горюет.*

С архетипом дом сопряжен архетип принадлежности человека к роду, аналогичным образом преломляющийся в сознании посредством оппозиции «свой – чужой». Этот архетип реализуется в следующих орнитообразах: рус. **Орел орла плодит, а сова сову родит, Сова о сове, а всяк о себе, Сорока от сороки в одно перо родится, Знай сорока сороку, а ворона ворону, Сорока никогда соловьиных песен не поет, Ворон ворону глаза не выклюнет, а хоть выклюнет, да не вытащит**, англ. **Hawks will not pick hawk's eyes out** (лат. основа: **Cornix cornice oculum non effodit**). При этом подчеркивается важность принадлежности «своим» и «своему» месту обитания: рус. **На что вороне большие хоромы, знай ворона свое гнездо**. Попытка перебраться к «чужим» осуждается коллективом «своих», особенно, если в результате субъект оказывается изгоем: рус. **Не летать было вороне в высокие хоромы, От ворон отстала, а к павам не пристала**.

В исследуемых паремиях проявляет себя и вариант оппозиции «свой – чужой» в виде противопоставления «герой – антигерой», через которое в образах птиц-антагонистов предстает архетип вселенского закона и архетип созидательной мужественности. В русских пословицах и поговорках оппозицию образуют следующие орнитообразы: *Как ни бодришь ворона, а ей до сокола далеко, Грач соколу добыча, а лягушка вороне, Сокол с места, а ворона на место, Хоть под небеса летай, а все сове соколом не быть, Хоть тресни, синица, а не быть журавлем*. Для англичан птицы-антагонисты – коршун и ястреб: *A carrion kite will never make a good hawk.*

Герой предстает в образах птиц, традиционно составляющих квинтэссенцию мужского начала. В русских паремиях это орел и сокол: *Всем птицам птица орел, Орлом глядит, орлом летает, Орел мух не ловит, Сокол мал, да удал, Соколу лес не страшен, Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит, Где бы не летал сокол, везде ему свежий мосол, Бьет сокол серу утицу*. В английской традиции герой являет себя в образе орла или ястреба: англ. **Eagles fly alone but sheep flock together, An empty hand is no lure for a hawk, A goshawk beats not at a bunting.**

Статус героя отмечен двойственностью, он может демонстрировать черты антигероя: рус. **Сокол – воронья перья, Плох сокол, что на воронье место сел, Видом орел, а умом тетерев, Царь птицам орел, а сокола боится**. Находясь в стане «чужих», он становится антигероем: рус. **На чужой стороне и сокола зовут вороною**. Антигерой же в подобных условиях становится «своим»: рус. **На чужой сторонушке рад своей воронушке**. В конечном итоге это обеспечивает адаптивность в сложном меняющемся мире.

Сквозь образы домашних птиц, олицетворяющих мужское и женское начало, просматриваются архетипы мужественности и женственности, которые базируются на оппозиции, подчеркивающей гендерную асимметрию с подчиненной ролью женщины. См., например, рус. *Курице не петь петухом, Павино убранство павлинова не чета*, англ. *It is a sad house where the hen crows louder than a cock*. Несмотря на существующую асимметрию, мужчина и женщина призваны дополнять и гармонизировать друг друга, образуя единое целое ради продолжения «своего» рода: англ. *What's sauce for the goose is sauce for the gander, As deep drinketh the goose, as the gander, Goose, and gander, and gosling, are three sounds but one thing*.

Подводя итог, следует отметить, что паремии несут в себе отражение мирового порядка, который закладывается в космогонических мифах и возрождается в архетипических образах единства человека и природы. Культура почитания и обожествления животных, в частности птиц, бытующая в эпоху первобытного тотемизма, не исчезает из культурного наследия, а существует в нем как готовая к актуализации потенция. Выявленные в паремиях экологические архетипы восходят к тем истокам, в которых человеческое сознание и бессознательное синхронизированы с ритмами природы. Нельзя не согласиться с мыслью М. Н. Эпштейна, который видит в животных наиболее наглядную для человека форму «инобытия духа». Ее можно оценивать как «сверхчеловеческую или недочеловеческую», но она в любом случае определяет место человека в иерархии мироздания [16].

В современных условиях, когда коллективное сознание подвержено влиянию искусственно создаваемых для манипуляции мифов, необходима пропаганда позитивных жизненных сценариев об отношениях людей и природы. В этой связи обращение к пословицам и поговоркам, в которых архетипические модели взаимодействия человека с окружающей средой настроены на гармонию, весьма актуально.

Литература

1. Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By*. London and New York: Routledge, 2015. P. 9, 10.
2. Finke P. *Transdisciplinary Linguistics: Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age* // *The Routledge Handbook of Ecolinguistics* / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 414.
3. Midgley M. *The Myths We Live By*. New York: Rutledge, 2011. 278 p.
4. Stibbe A. *Positive Discourse Analysis: Rethinking Human Ecological Relationships* // *The Routledge Handbook of Ecolinguistics* / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 170; P.171.
5. Флоренская В. В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010. С. 14–15; С. 10.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [1881–1882]: В 4-х т. М.: «Русский язык», 1981–1982.
7. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спириин. Изд. 4-е, стер. Ростов н /Д.: Феникс, 2008.
8. Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки / Сост. В. Н. Морохин. М.: Высш. школа, 1979.
9. Ray J. A Complete Collection of English Proverbs. London, 1817.
10. The Toronto World Book of English Proverbs. Toronto: The World Newspaper Co. of Toronto Limited, 1912.
11. The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by Jennifer Speake. Oxford New York: Oxford University Press, 2008.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев: Т. 1–2. М. : Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. А–К. С. 399, 404–405.
13. Авдеева Т. В. Птица в строении восточнославянских мифов о мировом яйце // Евразийский союз ученых. 2014. №5–2. С. 132.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев: Т. 1–2. М. : Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. К–Я. С. 681.
15. Назиров Р. Г. Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» [1989] // Р. Г. Назиров О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 98.
16. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. С. 88.

Статья рекомендована к печати кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации
БашГУ (докт. филол. наук, проф. С. Г. Шафиков)

Archetypes of man and nature unity as the basis for providing positive stories-we-live-by (based on English and Russian paroemias connected with birds)

N. A. Kurashkina

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: kurashkina76@mail.ru

It is demonstrated in the article that the research of archetypes of man and nature unity is possible within ecolinguistics that applies the method of a positive discourse analysis in search of harmonious stories-we-live-by, based on the unconscious. Archetypic realizations are traced in paroemias. The analysis based on the English and Russian languages reveals the reflection of such ecological archetypes as the archetype of home, archetype of belonging to clan, archetype of the universal law, archetypes of manhood and womanhood.

Keywords: archetype of man and nature unity (ecological archetype), positive story-we-live-by, paroemias, archetype of belonging to clan, archetypes of manhood and womanhood.